

ВАЛЕНТИН БАДРАК

7 пар,
очаровавших мир

Валентин Бадрак

7 пар, очаровавших мир

«Фолио»

2010

Бадрак В. В.

7 пар, очаровавших мир / В. В. Бадрак — «Фолио», 2010

Эта книга откроет вам путь к применению успешных практик в построении семейных отношений. Она поможет сформировать оптимальную стратегию отношений с противоположным полом, ориентированную на создание семьи.

© Бадрак В. В., 2010

© Фолио, 2010

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
Николай и Елена Рерих	8
Михаил и Раиса Горбачевы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Валентин Бадран

7 пар, очаровавших мир

(Опыт выдающихся личностей нашей цивилизации)

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Николай и Елена Рерих, Михаил и Раиса Горбачевы,
Марк и Белла Шагал, Артур Конан Дойль и Джин Лекки,
Ярослав Мудрый и Ирина, Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар,
Карло Понти и Софи Лорен...*

Несмотря на то что сумасшедшая, неустанно жмущая на педаль газа, цивилизация неуклонно и со свойственным ей цинизмом разрушает вековые устои, хищнически подкрадываясь к самому сокровенному – любви, извечная борьба инстинктов жизни со стремлением к смерти приводит человека к осознанию необходимости найти спасение от хаоса в семье. С установлением новых идеалов в виде осознанного одиночества или однополой любви человечество несет крупные потери, однако миллионы людей по-прежнему стремятся создать прочный союз и отыскать свою «половинку».

История существования человека доказывает, что, с одной стороны, имеет место устойчивое подсознательное стремление к формированию жизненного уклада в семье, а с другой – современный мир пронизан не внушающими оптимизма тенденциями. Семья, имея прежнюю ценность, перестает играть прежнюю роль на практике. Хотя ни крайний эгоцентризм мужчин, ни невероятное расширение с развитием пресловутой эмансипации социальных прав женщин не исключают стремления к противоположному полу. Это стремление все больше становится эпизодическим, без проникновения в мир друг друга, без эмоционального единения и, в принципе, без души. Такая поверхностная форма отношений ведет к бездуховности, а рождающиеся от подобных краткосрочных отчужденных союзов дети и во взрослой жизни остаются эмоционально черствыми, как усохший хлеб. И если эта тенденция с течением времени, не дай бог, наберет силу, человек неминуемо вплотную приблизится к вырождению.

Поведенческие реакции человека, от самого первого младенческого крика до последнего, завершающего акта жизни, являются цепью причинно-следственных связей, результатом сложного комплекса многослойных отношений человека со всем остальным миром. Это вытекает из неоспоримых законов Жизни. Каждый получает именно то, к чему идет, с силой отдачи, равной силе внутреннего стремления и намерений. Поэтому очевидно, что успешные пары – это не дар Божий, не мистическое совпадение душ-половинок, а подготовленная долгим формированием миропонимания психика, обуславливающая психологическую предопределенность и психологическую готовность каждого из двоих к обретению счастья, помноженные на продуманную, выпестованную терпеливым трудом, тактом и уважением деятельность. А также развитая способность к соперничанию, чуткости, эмоциональной вовлеченности в жизнь партнера. Это можно обозначить как способность «чувствовать друг друга», которая достигается не иначе, как вследствие реализации определенной, пусть и бессознательной стратегии. Порой кажется, что пары плывут по жизни, как игрушечные кораблики, преодолевающие стремнины горной реки: кому повезет, а для кого препятствия становятся местом, откуда каждый из двоих продолжает свой путь в одиночестве, надеясь построить новое, более крепкое суденышко взамен разбитого и покинутого. Жизнь – не компьютерная игра и не поддается программированию, и

для большинства остается загадкой, отчего одна пара сохраняет равновесие и спокойствие, а другая, даже при внушительной поддержке извне, топит свой несчастный кораблик, а вместе с ним и свое выскользнувшее из рук счастье. Работа над книгой убедила автора в том, что выбор спутника жизни нередко становится мощным стимулом для личностного развития и духовного роста, открывает новые возможности для раскрытия личности, обогащения ее важными духовными ценностями. Порой лишь посредством создания семьи человек получает свой шанс двигаться дальше, в глубины сознания, чтобы, как ныряльщик, ищущий редкий жемчуг, отыскать новые величественные и необъятные формы бытия, в которых проявляются совершенно неведомые, бесценные грани выражающейся природы.

Несколько слов о героях этой книги. Хотя можно отыскать множество счастливых пар, обитающих среди обыденного и наслаждающихся тривиальными ценностями, их незамысловатое счастье едва заметно для окружающих. Нередко с простодушной наивностью полевых цветов оно пробивается сквозь душные и по-военному стройные ряды сорняков. Это неземное ощущение подвластно каждому желающему – любви можно и нужно учиться, не озираясь по сторонам. И все же для исследования семейной жизни под микроскопом, для беспристрастной попытки наглядно продемонстрировать важные общие черты счастливой семьи, необходимы известные имена, личности, которые человечество хорошо знает. Всегда полезнее учиться на примерах неординарных персонажей, ибо их удачная личная жизнь может стать судьбоносным ориентиром для каждого.

Пристальный взгляд на известные пары обнаружил изумительный парадокс: все истинно счастливые пары состояли из самодостаточных, развитых, самобытных, раскрывшихся, уверенных в себе личностей, сформировавших свое счастье путем мудрого сложения, как в игре, где хитроумно складываются пазлы. Действительно, работа над созданием счастливой семьи сродни труду, направленному на построение успешной личности, поэтому не бывает счастливых пар, составленных из личностей ленивых, недоразвитых и деструктивных. Наши семь примеров являют собой некую линейку разнообразия, на которой каждая пара сумела установить свою, отчетливую и только ей подвластную величину. Их роднит только одно – внутренне ощущение счастья и такое же внутреннее согласие, схожее с состоянием гипнотической гармонии. Во всем остальном они различаются.

Николай и Елена Рерих – пара-миссия, с ведущим женским началом, утверждающая важнейший принцип: семья не является самоцелью, но двойная миссия делает ее легендарной. Тут и роль семейных традиций, и взаимное дополнение друг друга, и успешно построенные отношения с остальным миром, на который они осознанно влияли.

Михаил и Раиса Горбачевы показали успешное совместное стремление к крупной цели, с виртуозно сыгранными ролями. Это иная форма миссии, в которой жизнь семьи подчинялась движению к власти. Но власть, даже верховная власть в империи, не затмевала отношений между мужчиной и женщиной.

Марк и Белла Шагал – одухотворенная, небесная любовь уравновешенных партнеров, утверждающих творческое начало и свободу. И опять семья – не главная цель, а форма организации жизни. Сосредоточенность, энергетическая защита, взаимная поддержка – вот основные принципы этой любви.

Артур Конан Дойль и Джин Леки – это верховенство традиций и привитых в детстве консервативных догм. Рыцарь и дева, освященные религиозными принципами, прошли рука об руку, несмотря на то, что жизнь не всегда была милостива к этой семье.

Ярослав Мудрый и Ирина – это классика матримониального брака. Эта семья сумела утвердить консервативные ценности брака, силу женщины в создании своего мужчины, весомость стараний и компромиссов. А еще понимание, что религия – не догма, но инструмент, шестеренка в механизме, на котором работает семья.

Жан Поль Сартр и Симона де Бовуар – это противоречивый и сугубо французский союз. В какой-то степени, альтернативная форма отношений, приемлемая далеко не для каждой пары. Но исторически она показала себя действенной, жизнеспособной. И поскольку сами участники союза не отступились от своих принципов, эта форма имеет право на утверждение некоего заменителя гармонии.

Карло Понти и Софи Лорен – это необычное решение обычных проблем. Пара, выросшая из заурядного союза до чарующей гармонии. Пара, терпением и прощением утвердившая традиции брака и его силу, доминирование над всеми остальными формами взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Их браки не идеальны, поскольку то, что мы считаем идеалом, существует лишь в нашем воображении. Их браки стали счастливыми союзами, потому что в их воображении именно так выглядело счастье. А это то, чему стоит поучиться.

Николай и Елена Рерих

Сорок лет – немалый срок. В таком далеком плавании могут быть встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы всякие препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои Елене, Жене моей, Другине, Спутнице, Вдохновительнице. Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения мои должны выносить два имени – мужское и женское...

Николай Рерих

Грядущая эпоха будет эпохой не только Великого Сотрудничества, но и эпохой женщины.

Елена Рерих

Кажется, они пришли с необыкновенной, какой-то жреческой миссией. Пройти путь праведный и благородный вместе от самой первой встречи и до последнего удара сердца, путь вечного поиска Истины. Чтобы доказать, что великая любовь является единственно важным озарением души и что она... возможна. Жгучая жажда жизни наделила их и редкой счастливой любовью. Они сумели пронести огонь этого океанического чувства, не только не растеряв углей за сорок шесть лет совместной жизни, но и превратив этот огонь в исполинское горнило чувств, в излучающий неимоверное тепло костер, не затухающий под порывами ветров и бегом неумолимого времени. Про них твердили, что они были допущены к какой-то неуловимой тайне, надежно скрытой неведомыми силами от непосвященных и недостойных. Он был вечным искателем, она – его неизменной Ладой, самоотверженной и направляющей духовной опорой, неутомимым ангелом-хранителем, данным свыше, чтобы с отвагой отметать любые сомнения.

Пришельцы с планеты возвышенных желаний

Старшему ребенку в семье преуспевающего нотариуса Петербургского окружного суда Константина Рериха Николаю была предоставлена впечатляющая, никем и ничем не ограниченная свобода действий. Развитию его воображения и свойственной глубоким интровертам впечатлительности способствовало и постоянное чтение детских книжек, причем мальчика более всего привлекали исторические сказания. Еще одним превосходным стимулом к познанию нового оказалась и действительно прогрессивная для тех времен частная гимназия Карла Мая, в которой все обучение было построено по принципу познавательной игры, там учеников поощряли и ободряли во всех начинаниях. Высокий художественный стиль и превосходное образование являлись органичным и естественным климатом для взращивания нового творца. Эти качества самым непосредственным образом отразятся на его отношении к семье, настроенном на волну спокойного и вдумчивого решения возникающих проблем при наличии неизбывных принципов и практически неограниченной свободы во всем остальном.

Появление у Николая качественно иных, не схожих с отцовскими представлений о мироздании и своей роли в нем связано с целым рядом факторов и событий. Нестесняющий домашний быт и неизменное поощрение исканий со стороны ближайшего окружения предопределили непринужденность при ненавязчивом вовлечении в мир книжных переживаний. В нем рано проявились важное и неотъемлемое качество будущего таланта – религиозная впечатлительность, которая непременно будет присутствовать в семейном укладе и создавать теплую ауру особой духовности.

Похоже, первая мысль о путешествиях посетила Николая еще в детстве, когда он с почти религиозным восторгом и каким-то смутным благоговением рассматривал величественную бронзовую фигуру «первого русского плователя вокруг света» Ивана Крузенштерна, расположенную вблизи дома на Васильевском острове. Николаю было лишь девять лет, когда в имении побывал известный археолог Ивановский, поведавший зачарованно слушавшему его мальчику о древних могильниках в окрестностях «Извары». Конечно, сыграли свою роль и рассказы о ставшем всемирно известным Генрихе Шлимане. С годами все чаще веселым играм со сверстниками Николай предпочитал упоительное пребывание наедине со своими размышлениями. Рано развитое богатое воображение разыгрывало невероятные исторические сцены, он пылко и восторженно впитывал неповторимые моменты пролетевших столетий, с которых осторожно смахивал пыль тайны. Полет мысли открывал ему такие вещи, которые и не снились никому из его семьи или беззаботных окружающих. Его потрясала, выворачивала наизнанку тишина, в которой он уже в юношеские годы усмотрел первопричину гармонии и возможность незаметно слиться со всемогущей и всеобъемлющей Природой. Да, он другой! Не такой, как отец, размышляющий о каких-то законодательных тонкостях.

Трудно переоценить и влияние на молодого Рериха тех, кто оказывался в гостях у известного столичного юриста. Выдающийся химик Менделеев, признанный авторитет в области правоведения Кавелин, неординарные ученые-востоковеды Голстунский и Познеев – все они являли собой прежде всего примеры необыкновенной увлеченности и сосредоточенности на своем предмете. И юноша, копируя колоритных мужей, доходит до отрешенного фанатизма, под «микроскопом» изучая свои личные отношения с Природой. С необычным, даже, можно сказать, болезненным для ученика прилежанием он изучает птиц, одержимо собирает коллекцию перьев и минералов, с не характерным для юноши рвением оттачивает слог, в семнадцать лет уже печатается в журнале «Русский охотник». Похоже, в это время гимназиста посещают первые мысли о своей миссии, ему явно не по душе занятие отца. Юный Рерих все больше рисует, несмотря на растущее недовольство семьи. Это неукоснительное стремление к самореализации придает ему особый отпечаток серьезности, рано наделяет чертами подлинного чародея, этим самым подкупающим штрихом портрета будущего жениха, мужа, отца.

Но когда пришло время выбрать жизненный путь, непреклонный отец настоял на поступлении в университет. А уж если у сына такое непреодолимое стремление к живописи, пусть он совмещает «серьезное дело» со своим неумным хобби. Николай принял родительское предложение, поступив одновременно и на юридический факультет, и в Академию художеств, где в то время царили творческие идеи плеяды известных мастеров: Репина, Шишкина, Васнецова, Сурикова, Архипа Куинджи, в мастерскую которого он перебрался по достижении двадцатилетия. На деле вышло, что жесткое условие еще более усилило в молодом человеке акцент на достижениях, сформировав раннюю сосредоточенность на высоком результате. Только для себя различимым пунктиром он наметил направления нового поиска, устремившись в такую высь, о которой даже не подозревали его родные. Несмотря на бешеный ритм жизни с одновременным посещением двух учебных заведений, Рерих еще ухитрялся заниматься самообразованием: он осознавал, что настоящий живописец и мыслитель не может обойтись без глубинных знаний Природы. Путь самопознания и конструирования собственной личности как нельзя лучше прослеживается в дневниковых записях честолюбивого юноши, жаждущего признания и доказательств своей духовной самодостаточности. Кажется, прежде всего он намеревался доказать отцу, что волен сам выбирать свою судьбу, поскольку трудом и достижениями подтвердил, что его собственный путь весомее, содержательнее и насыщеннее, чем путь отца, лишенный творчества, а значит, возможности оставить глубокий след для потомков.

Отец стал для молодого Рериха первым раздражителем и стимулом для творчества, порывам которого он останется предан всю жизнь. Замаскированное противостояние с непреклонным родителем, тихое и тщательно скрываемое от внешнего мира, стало сильным импульсом к

самостоятельности. Кошунственно ограниченный отцом в карманных расходах (чтобы не хватало на необходимые для живописи краски), студент Рерих сам должен был позаботиться о дополнительном заработке.

С каждой новой маленькой победой молодой человек укреплялся в мысли стать настоящим живописцем, затронуть своим творчеством такие струны человеческой души, которые пробудят чуткость к красоте и величию Природы и станут новым импульсом к самосовершенствованию. Последнему он придавал колоссальное значение, с юных лет начав лепить из себя творца, способного заглянуть за горизонт суетного бытия. Сохранились свидетельства о созданном им «Проекте правил кружка академистов императорской Академии художеств, посвящающих себя самоусовершенствованию». Среди дополнительных направлений оказываются философия, естествознание, история, психология, эстетика, археология, мифология... Стремление к высочайшим достижениям подчинило всю личную жизнь молодого человека идее саморазвития. Можно с высокой долей уверенности говорить о сублимации либидо, когда сексуальная энергия под воздействием воли направлялась в русло творческого роста. Естественно, эротической сдержанности способствовал и набор нравственных правил, исповедуемых и насаждаемых интеллигенцией, элитарно-аристократической средой, из которой вышел Николай Рерих. Его внутренняя система оказалась в определенной степени настроена на поиск для себя социально значимой роли, предусматривающей творческую самореализацию. Он не только не собирался плыть против течения, пытаясь самоутвердиться в обществе путем продвижения сомнительных или просто резонансных ценностей, но и намеревался поднять существующие духовные ценности до нового, еще более высокого уровня. Этот нюанс крайне важен, поскольку подход к общественным ценностям, формирование для себя системы ориентиров напрямую связаны с отношением к семейной жизни. Ведь семья в его среде была неотъемлемой частью этих духовных ценностей, возможно, краеугольным камнем всего общественного фундамента, и потому в подсознании Рериха контуры его будущих достижений опирались как раз на семью как первую ценность общественно значимого человека, творца, несущего в мир нечто новое и необычайно важное для развития духовного в человеке. Другими словами, уже сформировавшемуся к двадцати годам Рериху был совершенно понятен образ будущей жены, он был готов к нему и поэтому так быстро принял в сердце встреченную им Елену.

Елена, будущая Лада, дочь достаточно известного архитектора Шапошникова, принадлежала к еще более утонченному миру русских аристократов, ставящих превыше всего духовное развитие личности. Древний русский род, героические предки, в том числе олицетворявший победу над Наполеоном фельдмаршал Михаил Кутузов (Елена приходилась фельдмаршалу двоюродной правнучкой), глубокие традиции – все это наложило отпечаток непреклонной необходимости следовать вековым правилам, соответствовать аристократически возвышенному образу потомков высокородных князей. Кроме того, в родственниках Елены значился и гений – композитор Мусоргский, чью память в семье свято чтит и чей образ служил ориентиром формирующемуся новому поколению. Весь этот могучий код своего рода, фундаментальную печать элиты общества, скрупулезно насаждаемую старшими системой ценностей девочка пропустила через себя, сделав неотъемлемой частью своей личной культуры. Иначе и быть не могло: само воспитание в такой своеобразной среде обязывало каждую девочку к почтению, послушанию и покорности, превращая ее к моменту вступления в брак в жизнестойкую и активную цементирующую глину, предназначенную для укрепления того остова, которым должен выступать в союзе мужчина. Для девушки такое соответствие выражалось прежде всего в манерах, элегантности и благовоспитанности, формировании изысканного вкуса, любви к музыке, литературе и искусству, а также в терпеливости, спокойствии и умиротворении – осознанном отображении понимания своей, исконно женской, роли. Елену, как и подавляющее большинство девочек того времени, с первых дней прихода в мир тщательно готовили к будущему материнству и горделивому приятию звания чьей-то супруги. Но она появилась на свет в

эпоху зарождения женской самоактуализации, выросла живой и энергичной, легкой на подъем, даже стремящейся к активной жизни.

Безликое прозябание в роскошных покоях вызывало в ней чувство негодования и отвращения, как все неполноценное, незрелое, неспособное к развитию.

Сам Николай Рерих, оценивая впоследствии роль воспитания в родовом гнезде своей избранницы, заметил: «Традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству». Таким образом, формирование личности Елены происходило как бы в тепличном, замкнутом и недостижимом для грязи и деструктивных раздражителей пространстве. В такой обстановке она едва ли могла вырасти иной, ее одухотворенность и женственность были заложены воспитанием, однако из множества других девушек своего времени и круга ее выделяла еще и необычайная, совершенно неженская отвага, незримая духовная сила и удивительная пылкость ума. Стремление раскрыть лучшие качества личности было, несомненно, ее собственной заслугой и личным достижением. Ее не ко времени богатый внутренний мир не мог уместиться в рамках существующих традиций, он искал выхода в широкое свободное пространство и, неожиданно столкнувшись с таким же чутким, импульсивным и ищущим разумом молодого Рериха, уже не мог не вступить с ним в незримую связь, чтобы, слившись воедино, вместе искать, открывать и создавать новые грани бытия. В душе этой загадочной девушки странным и непостижимым образом слились метаморфозы «женского» аристократического воспитания и «мужские» требования тревожного времени, вызывающие на свет Божий новых женщин-подруг, женщин-искательниц, женщин-отступниц. Родители и среда учили ее беречь очаг и высоко нести честь рода, время стимулировало *быть кем-то*, обрести собственное выразительное лицо. Кажется, не случайно в воспоминаниях сына Рерихов, Юрия, наряду с упоминанием о музыкальном образовании и артистичности проскальзывает намек на «революционность» настроения матери в юности. На рубеже столетий мир начал меняться динамичнее и женщина стала по-иному чувствовать себя в обществе, шире смотреть на свою роль. Эти социальные изменения, задев Елену, тесно переплелись с вбитыми в сознание прежними догмами о миссии женщин, смиренных и благородных, эстетичных и религиозно-духовных, заставляющих в течение всей жизни оставаться в тени.

Светлана Кайдаш-Лакшина, намереваясь панорамно представить пространство, окружавшее молодую Елену, предположительно говорит о влиянии на формирование ее мировоззрения таких новых для российского буржуазного общества событий, как книги Веры Желиховской и явление миру ее выдающейся сестры Елены Блаватской, умершей в пору взросления нашей героини. В это же время в Россию приходят вести о кончине другой известной соотечественницы – математика Софьи Ковалевской. Прошло еще несколько лет, и Россию всколыхнула еще одна смерть легендарной русской женщины – путешественницы Александры Потаниной, названной «новой породой женщин в Европе». С. Кайдаш-Лакшина упоминает даже Софью Шлиман, которая сопровождала на раскопках своего знаменитого мужа. Доподлинно неизвестно, насколько все эти женщины могли повлиять на взрослеющую Елену, но дух новаторства в женском образе должен был проникнуть туда, где воспитывалась российская аристократия. Если бы не чарующая женственность и обволакивающее обаяние молодой красавицы, можно было бы даже говорить о наличии в Елене Шапошниковой признаков комплекса мужественности. Конечно, вряд ли молодая девушка всерьез размышляла обо всем этом, но все же манящая привлекательность самоактуализации женщины не могла ускользнуть от ее чуткого восприятия. Обнаружив у себя любопытные экстрасенсорные способности, Елена поначалу, скорее вследствие моды, увлеклась мистическим спиритизмом. Но этот Божий дар, бессистемно развиваемый в периоды безудержного веселья юности, среди прочего, позволил ей почувствовать свою внутреннюю женскую силу, выделиться, продемонстрировать привлекательность не только физическую, но и духовную, несоизмеримо более могущественную, чем просто утонченные формы развившейся женственности. Мистика придала ее образу ореол оба-

яния и неиссякаемой женской силы, той, что движет всем сущим. В возрасте, когда девушка оценивает каждого встреченного на пути мужчину, неожиданно явившийся на ее пути молодой Рерих, не исключено к удивлению самой Елены, вписался в мысленно уже очерченный трафарет будущего избранника.

Семейное моделирование по Рерихам

Можно по-разному воспринимать встречу этих двух сердец, но в их жизненном сюжете самым важным штрихом всегда будет оставаться преодолимое и даже какое-то сверхъестественное стремление друг к другу, то, что многие с восхищением отнесли бы к области интуиции или потусторонних сил. Но это прозрение для обоих вовсе не жест так называемого тонкого мира, а следствие глубокой психологической готовности к духовному единению и результат бессознательного поиска спутника жизни. Первая же встреча позволила каждому из них убедиться в притягательной глубине внутреннего мира другого, мгновенно оценить всю неподдельную серьезность намерений сделать дальнейшую жизнь волшебным шествием в пространстве любви, неумным движением в запредельные просторы за чем-то большим, далеко выходящим за рамки обыденного. Когда до фанатизма увлеченный раскопками Рерих появился в имении князя Путятина, где впервые встретился с гостившей там Еленой, он уже был внутренне готов к отношениям с женщиной, хотя и не искал их с отчаянным рвением алчущего любви молодого человека. В то время Николай Рерих уже был слишком поглощен собой: обретающий известность художник, картину которого купил сам Павел Третьяков, находился в томительном творческом поиске и вырабатывал свою, отличную от всех существующих, формулу самовыражения. За спиной была знаковая встреча с великим Толстым и вселяющее уверенность напутствие апостола русской литературы на долгую творческую дорогу, выраженное в пронизательной рекомендации «править выше того места, куда нужно, иначе снесет», так же как и в представленной старцу картине. Тогда молодой Николай Рерих был еще наивным и витающим в облаках интеллигентом, несколько флегматичным, хотя и деятельным, претендентом на место в среде русской творческой элиты, но в то же время пугливым и несформированным мужчиной. Поздние воспоминания Елены свидетельствуют, что к моменту отъезда Рериха из имения князя Путятина она уже была его невестой. Невероятная для дореволюционной России стремительность принятия ключевого жизненного решения! Между тем все объясняется довольно просто: к моменту встречи молодые люди уже неосознанно очертили для себя основные качества избранника. И в момент знакомства произошла реакция, подобная химической, когда неожиданно встретившиеся элементы образуют новое благородное соединение.

Для одухотворенного и религиозного мира российской интеллигенции брак являлся, по сути, делом священным. Истоки этого уходят в далекие времена Владимира-крестителя, начавшего формировать духовное восприятие элиты славянского общества Древней Руси. Ни гнусные поступки Ивана Грозного, ни безудержно-двусмысленные порывы Петра Первого не сломили заложенной христианством веры в праведность брачного союза, переросшей в трогательно-трепетное отношение к защите интересов своего рода и родовой памяти. Для понимания состава того навечно цементирующего раствора, связавшего Николая и Елену, стоит уделить внимание сложившимся в паре взаимоотношениям. Для Николая, воспитанного целомудренным и даже несколько инфантильным в отношениях с противоположным полом, открытие Елены оказалось двойным сюрпризом. Она не только обладала притягательной харизмой, ранней мудростью и искусительным обаянием, но и явно стала ведущей в их интимных отношениях, открывая избраннику и прелесть эроса, и тайную радость томительных переживаний любовной страсти, и океанические просторы женской духовной силы. Поглощенный бесконечными коллекциями, археологией, живописью, самопознанием и самообразованием, он оказался совершенно не знакомым и почти неподготовленным к той части отношений с женщи-

ной, которую каждому мужчине предстоит открыть самостоятельно. Но внутренний мир этого невероятно сосредоточенного, не по годам серьезного молодого мужчины уже был зрелым и достаточно богатым, чтобы усвоить новые волнующие события и настроиться на новые волны. Кажется, немного застенчивый, но способный преодолевать себя молодой человек, которого еще недавно называли в студенческой среде красной девицей и Белоснежкой, покорила ее обескураживающей искренностью и чистотой побуждений, она же овладела его сознанием благодаря исключительной силе женственности, помноженной на всеохватывающую широту своего духовного мира. От нее исходили дурманящие флюиды уверенной в себе представительницы восхитительного пола, интуитивно владеющей всем диапазоном воздействия на мужчину: от эмоционального всплеска непредсказуемой самки до умиряющей и направляющей своей спокойной силой женщины-колдуньи и надежной женщины-матери.

Юная Елена отличалась поведением от своего будущего мужа. Глубоко внутри домашняя и уютная, она в пику застенчивости Николая артистично демонстрировала способность увлекать окружающих и игриво, не без налета театральности, руководить ими. В ней не было фальши сумасбродных светских кокеток, она скорее представлялась обществу манящей, порой блистающей на балах звездочкой, которая тайно мечтает о теплом семейном гнездышке, встрече с единственным человеком, чем-то похожим на ее уравновешенного и знающего себе цену отца.

Крайне бережное отношение к роду и семейным ценностям сыграло далеко не последнюю роль в формировании мировоззрения этих двух объединившихся в вечном союзе людей. И Николай, и Елена выказывали почтенное смирение перед родительскими решениями, относясь к семейно-родовым традициям как к некоему не требующему дополнительных объяснений культу. Вспомните, как легко Николай поддался правилам патриархального уклада, когда отец настоял на его юридическом образовании. Отказавшись от исторического факультета в пользу юридического (при двойной образовательной нагрузке), он принял семейное решение как распоряжение высшей инстанции или заявление Верховного суда, и этот факт крайне важен при рассмотрении его собственной семейной модели. Точно так же и Елена готова была поступиться тайными желаниями формирующейся женщины в пользу образцовой супруги, каковую старательно лепило из нее окружение. Александр Сенкевич, к примеру, указывает, что после замужества Елена «легко увлекалась той светской жизнью, которая ее окружала». Письма находящегося в археологических разъездах свежеиспеченного супруга полны тревоги и вместе с тем указывают на исключительную роль на семейном корабле, уже тогда отводимую Николаем своей избраннице. «...Знай, Ладушка, если Ты свернешь в сторону, если Ты обманешь меня, то на хорошей дороге мне места не будет. Тебя я люблю только как человека, как личность, и если я почувствую, что такая любовь невозможна, то не знаю, где та граница скверного, до которой дойду я. Ты держишь меня в руках, и Ты, только Ты приказываешь быть мне идеальным эгоистом или эгоистом самым скверным – Твоя воля!» Приводимый Сенкевичем отрывок письма в книге о Елене Рерих трудно переоценить. Это письмо является свидетельством осторожных попыток Рериха закрепить мысль о том, что духовные ценности (а среди них, безусловно, и сама семья) станут основой их дальнейшей совместной жизни. Тут прослеживается и тайное желание молодого супруга наделить свою избранницу функциями матери, которая бы распространяла свою заботу не только на потомство, но и на него самого. Внешне подвижный и проворный Николай в детстве был слишком впечатлительным и неустойчивым внутренне, крайне нуждался в материнской опеке и вообще поддержке извне, к которым он привык в рафинированной аристократической среде.

Трудно ли было Елене безоговорочно принять эту концепцию? Похоже, что нет, потому что она сама, несмотря на мотыльковую воздушность периода бурлящей юности, стояла на очень твердых нравственных позициях и вовсе не собиралась «обманывать» мужа или «сворачивать в сторону». Говорили, что Елене и до появления в ее жизни Николая делали заман-

чивые предложения, но неспешность и обстоятельность ее выбора как раз и были связаны с психологической установкой на неповторимый образ, который должен быть избран раз и навсегда. Она никогда не забывала о своем происхождении и великом множестве взаимосвязанных моральных принципов, носителем которых оказалась ее семья. Поэтому те несколько томительных лет до бракосочетания, когда девушку, не без интереса относящуюся к балам и легкому флирту, продолжали «вывозить в свет», оказались гораздо более серьезным испытанием для Николая, чем для нее. А вышеупомянутое письмо Рериха являлось скорее признанием собственных сомнений, нежели сомнений в жене. Кстати, к моменту бракосочетания ему уже было двадцать семь, что также является многозначительным нюансом. Испытал ли он к моменту женитьбы близость с женщиной? Возможно, и нет. В этом также следует искать одну из причин его мужской неуверенности и поиска защиты в духовном измерении. Но в этом проявилась и его сильная сторона: первая близость с Еленой, так же как и для нее, скорее всего стала для Николая не только открытием новых граней друг друга, но и базой для формирования замкнутого, автономного мира, самодостаточной атмосферы, в которой духовное неизменно доминировало, а сексуальная сфера являлась его логичным продолжением. Быт же, в силу доминирования в их внутренних установках целеустремленности и сосредоточенности на более высоких целях, вовсе не тревожил ни Николая, ни Елену.

И еще один фактор сыграл значительную роль в деле формирования крепкой семьи: принадлежность обоих супругов к масонской ложе. Масонство в виде некой системы неизменных фундаментальных правил дало те изначальные ориентиры, которые органично вписались в психологические установки и Николая, и Елены. На связи Николая Рериха с «вольными каменщиками» настаивают и Арнольд Шоц, и цитирующий его современный исследователь Игорь Минутко; о масонском же мировоззрении Елены Шапошниковой обстоятельно говорит Александр Сенкевич. Вполне можно предположить, что молодые люди, вышедшие из таких высокодуховных семей, не могли не проникнуться уважением к тем нравственным идеалам и символам, которые предлагала эта уважаемая организация. В значительной степени масонству, таинственному и недостижимому для непосвященных, они обязаны закрытостью, замкнутостью своих внутренних миров. Несмотря на внешнюю общительность и готовность к взаимодействию с окружающим миром, молодые люди не спешили вывернуть наизнанку свою душу перед друзьями. Для Николая студенческая среда вообще была чуждой, а Елену можно было бы назвать скрытной и склонной к постоянным размышлениям. Соединившись, они сохранили и даже усилили защитную скорлупу, отделяющую семью от всего мира. Кроме того, кажется, из идеологии масонства проистекает и само растущее в течение совместной жизни Рерихов желание создать собственную организацию с выкристаллизованной оригинальной философией, которая вещала бы всему миру об обновленном культе духовных ценностей, о деле всей жизни семьи, последовательно превращающейся в легенду. Крайне важно, что эти ценностные маяки оказались общими для обоих супругов, что вскоре стало фундаментом для двойной миссии и реализации невероятной по замыслу и масштабам идеи. Таким образом, масонство стимулировало и их интерес друг к другу, и уверенность в соблюдении в будущей совместной жизни определенных моральных рамок, и, в конце концов, интерес к формированию идеи, направленной на развитие духовного мира своих современников.

Семья стала той благодатной средой, где каждый получил новый толчок к духовному развитию, к которому стремился изначально. Уже через два года после создания союза Николай и Елена совершили свое первое совместное путешествие, ставшее начальным звеном в бесконечной серии попыток отыскать ключ от врат Вселенной. Пожалуй, ничто так не объединяет и не способствует пониманию, как совместные поиски чего-то, кажущегося невыразимым, и, в то же время, необходимого для дальнейшей жизни. Потому проникновение в культуру Древней Руси ознаменовалось глубоким осознанием внутреннего мира каждого, началом реализации общей жизненной стратегии, предусматривающей неуклонное движение к высшей ценности

– гармонии любви. Они вместе осознанно стремились к этому, и эта неуемная жажда самопознания, радость взаимной поддержки и обмена энергией сформировали общую высшую цель. В силу того что цель эта находилась в плоскости духовного, остальные сферы жизни рассматривались как дополнения второго плана. Переменчивый быт, какой бы он ни был, устраивал обоих влюбленных. Роскошь аристократии, впрочем, без излишнего шика, легко менялась на тихий нетребовательный уют походного жилища, и даже в частых сменах обстановки они умели находить особую прелесть единения. Секрет подобного счастья достаточно прост: их взгляды устремлялись выше горизонта, оба обладали желанием бесконечного познания мира и познания друг друга в этом мире. Глубокие отношения зарождались из совместных усилий в шлифовке кристалла, через который Николай и Елена намеревались смотреть на мир. И хотя нам мало известно о чувственной сфере этих людей, эрос, как кажется, также был частым гостем в спальне одержимых космическими планами преобразования мира людей.

Впоследствии в поисках «путеводных вех» для человечества, «всеобщего счастья» и загадочной Шамбалы они прошли тысячи горных и пустынных километров, ведя рядом и собственных детей, теряя в борьбе с суровой природой спутников, но первый вояж с молодой женой по городам России все-таки оказался самым примечательным и судьбоносным для становления семьи. И где бы они ни находились, эти мужчина и женщина творили вместе, обогащая друг друга светом, даря друг другу любовь.

Пара, способная к синтезу

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что сам Рерих считал и себя, и свою жену людьми, способными к синтезу, естественно, подтвердив эту позицию своим творчеством. Елена не только прошла с мужем все те тяжелые экспедиционные километры, выдержала суровые испытания в условия горных гималайских перевалов, жизнь в палатках и землянках, но и постоянно трудилась, совершенствуя внутренний мир и пропуская через свое сознание всю полученную информацию об окружающем мире, создавая рельефное представление о пройденном пути. Именно Елена стала автором «Агни-йоги», распространителем Живой Этики и создателем ряда новых форм влияния на современный социум в виде обществ содействия, музеев, форумов. Неслучайно ее называли «Матерью Агни-йоги», а еще позже санскритско-мистическим именем Урусвати (Утренней зарей, или Светом утренней звезды; этим именем впоследствии был назван и основанный Рерихами Институт гималайских исследований). Действительно, именно Елена Рерих оставалась в этой необыкновенной семье главной движущей силой, основным генератором неиссякаемой энергии. Эта неординарная женщина даже вела личную переписку с президентом Соединенных Штатов и вдохновила мужа на рискованный (в силу очевидности блефа) и вместе с тем многозначительный шаг – передачу от таинственных и неведомых «учителей» ларца с землей Гималаев «на могилу Ленину». Конечно же, и знаменитое общественно-политическое заявление Рериха – Пакт мира – было сделано не без ее влияния. Именно от нее исходила идея преломления всех существующих религий и учений, синтетически преобразованных, в единое направление, совершенное и гармоничное учение, отмечающее классы, грубые формы власти и любые виды насилия – сложный путь к совершенству через перерождение личности. Мужчина в этом изумляющем плодотворностью и слаженностью действий союзе был кропотливым, наделенным сильной волей тактиком, тогда как стратегом, взирающим на свет Божий, как астроном сквозь стекла мощного телескопа на звезды, была именно женщина.

Пожалуй, еще более весомым, чем картины и книги, оставленные семьей Рерихов, является живой и притягательный микромир их взаимоотношений. Они приняли друг друга как единственную истину, как способ самовыражения и взаимного дополнения, и их духовное единство и обоюдное стремление к самовыражению породили глубокую заинтересованность

друг в друге, серьезное отношение каждого к деятельности партнера. Сосредоточенность на духовном развитии своих личностей и поиск возможностей возрождения и совершенствования человека в широком контексте создали целостность и завершенность семьи, переход любви-страсти молодости в благоговейную, наполненную осознанной нежностью любовь зрелых, духовно богатых людей. Их отношение друг к другу и стало тем чудотворным синтезом, сканированием друг друга и использованием этой, наверное, самой важной для человека, информации, для искренней поддержки, неперестанного ободрения и помощи в реализации идеи. Кажется, к концу жизни эта пара имела единую ауру, единое обволакивающее их энергетическое поле. Это было прямым следствием их неуклонного стремления к совершенству.

Они постоянно были вместе, росли и развивались совместно, незаметно возвышаясь над наполненным ложными ориентирами и призрачными представлениями о счастье миром материальных ценностей. Возвышаясь, они ощущали истовую и непреодолимую потребность отдалиться от этого мира. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, им, духовно развитым, вполне хватало друг друга, они без напряжения довольствовались автономным миром семьи. Для своей семьи они создали эффект подводной лодки, часто погружаясь на недостижимую глубину и выныривая на поверхность, в чуждую их духу среду, лишь для пополнения запасов. Во-вторых, они имели общую, возвышенную и благородную цель, чувствуя и развивая в себе уверенность в собственной миссии. И в-третьих, они таким образом выставляли определенный заслон, защиту от проникновения в святую семейную оболочку, оставляя свой мир семьи закрытым для непосвященных местом, садом для двоих. Может быть, поэтому некоторые современники, которым не хватало интеллекта понять представления Рерихов о мире, пытались изобразить их надменными, неприступными и высокомерными. Хотя, конечно же, Рерихи были непростыми. Неизвестно, кто из двоих являлся автором уникальных идей по созданию влиятельных островков из ослепленных благородным учением современников. Возможно, почтенное семейство сознательно лукавило, выдавая себя за пророков и посланников полубогов. Обладая способностями медиума, Елена Рерих не могла не анализировать деятельности своей предшественницы – Елены Блаватской. Владея громадными ресурсами в виде сконцентрированных знаний, Рерихи не могли не превратиться в адептов красоты, страстных поклонников праведности и культа Истины. И кажется, им, сосредоточенным на жизни, ушедшим из области самоуничтожения человека человеком, Истина действительно была более понятной, чем всему остальному миру.

Порой отвлеченный взгляд на жизнь Рерихов наводит на мысль о том, что их общественно-политическая деятельность направлялась не столько на развитие интереса к творческим достижениям, сколько на акцентирование совершенности семейного союза. Вслед за ними, один за другим, возникали и развивались созданные в различных точках планеты очаги культуры и непреодолимого тяготения к прекрасному, совершенному. Но в большей степени это были участки «фронта», призванные напоминать об имени Рериха, площадки-рассадники идей Николая и Елены. Сначала появилось «Общество Агни-йоги» для распространения учения Живой Этики, потом Институт объединенных искусств в Нью-Йорке, затем музей Рериха в США, еще позже – собственный журнал «Урусвати» и одноименный Институт гималайских исследований в Кулу. И в значительной степени, как на уровне идей, так и на уровне их реализации, эти проекты явились воплощением «двойной» мудрости. Крайне важным является один знаменательный и судьбоносный для этой семьи штрих: Рерихи духовно росли вместе, вместе преодолели и земное притяжение мира людей, поднявшись над властью, правительствами, правилами материального бытия. Двигаясь тихой поступью, они неожиданно выросли до исполинов в области утверждения ценностей.

В течение всего шестивия по жизни они демонстрировали способность изменяться, духовно расти. Все происходит постепенно, и даже избавление от дурных привычек, собственных окружающих в период взросления и формирования, случается под влиянием осо-

знанной борьбы с собой. К примеру, отказ Николая Рериха от охоты как способа убийства неспособных защититься животных произошел вследствие глубокой трансформации сознания, сложных мыслительных процессов, в которых неизменно присутствовала незримая тень женщины-путеводительницы, его жены.

Презрев милости власти, уют налаженного быта, прелесть цивилизации, они ринулись выполнять придуманную ими самими таинственную миссию. Они неизменно стремились к ощущению собственной исключительности, неповторимости – только так можно было прикоснуться к вечности. Ведь не случайно еще молодым, гостя в Париже, Рерих написал в своем дневнике: «Лучше пройти каким угодно подземным ущельем и вынырнуть полезным и здоровым источником, нежели литься широким руслом и служить для поливки улиц». И он своей жизнью продемонстрировал, что «служить для поливки улиц» – не его удел. И хотя одни обвиняли Рериха в сотрудничестве с гнусным коммунистическим режимом, другие, такие как Репин, упрекали в недостаточной художественности и несовершенстве его живописи, жизнь этого человека находилась под защитой двух величайших и прочнейших в мире щитов: любви и созидательного труда, направленного на совершенствование себя и всего сущего. Елена же в этой самозабвенной борьбе оказалась его лучшим приобретением, самым надежным источником пополнения жизненных сил, вечного и неустанного ободрения, направления на путь великой миссии. Они прошли по жизни рука об руку, счастливые, духовные, осознающие собственную ценность для потомков.

Как многие самоотверженные творцы, Рерих изумляет своей работоспособностью. И кажется, что это могучее и непреодолимое желание творить подстегивалось все более ужасающими изменениями мира. Рерихи словно предвидели надвигающиеся катастрофы, ускользая всей семьей с конфликтной плоскости мирского и переходя на все менее достижимую плоскость жизни отшельников, исследующих белые пятна планеты. Нельзя исключать, что хитроумные Николай и Елена поддерживали интерес к себе благодаря осторожно развиваемому мифу о своей духовной связи с гималайскими учителями. Легендарная Шамбала, как исчезающая и снова появляющаяся планета, манила сильных мира сего. Вернее, манила мудрость учителей, благодаря которой наивные разрушители надеялись стать еще более могущественными. Признанные же экстрасенсорные силы и потрясающая, космическая пронизательность Елены Рерих сослужили семье добрую службу. Что же касается невротических ощущений Елены и галлюцинаций, о которых упоминают, к примеру, Елена Обоймина и Ольга Татькова в книге «Русские жены», то вряд ли чья-либо будоражащая сознание способность нащупывать нити тонкого мира, скрытого от большинства, может служить точным определением душевного расстройства. И хотя семейный врач четы Рерихов в Индии Яловенко писал, что «она больна нервной болезнью, которая называется эпилептическая аура», уравновешенный и осознанный характер взаимоотношений супругов, напротив, свидетельствует о феноменальном душевном здоровье, сосредоточенности и самодостаточности каждого из них.

Да и вообще гораздо более важными являются другие свидетельства о вере Николая Рериха в сверхъестественные способности своей жены и готовности принимать ее советы как руководство к действию. Сам Рерих, человек с высокими аналитическими способностями, похоже, признавал космические возможности своей спутницы, ее более глубокое и в то же время более объемное видение мироздания. Это придает этой семье некое сходство с альпинистами, которые уверенно прошли по краю опасного обрыва, или с саперами, которые покинули минное поле, оставшись невредимыми. Порой трудно не поддаваться впечатлению, что эта одухотворенная женщина сыграла роль мистического ангела и провела свою семью по жизни праведной и безопасной дорогой. Но разве не были эти «высшие знания» результатом длительной и напряженной работы двух объединившихся разумов с развитой способностью ясно видеть суть своего пребывания в этом мире?!

Двойная миссия

Как в немногих семьях, которые без преувеличения можно называть выдающимися, у Рерихов женское начало играло первостепенную движущую роль. Елена с ее необыкновенной душой в этом союзе действовала как напалм, прожигая насквозь не только всяческую тревогу, но и саму душу мыслителя. Воспламеняющийся грандиозным факелом от ее неистовой внутренней силы, Николай мог отбрасывать все внутренние сомнения, отвергать все свои слабости и смело двигаться навстречу вечности. Она стала предвестником явления миру нового Гуру, он же крепко держал в руке ее горячую руку, ведя за собой по пути, указанному ею и выверенному вместе. «Держательница мира» – так назвал живописец полотно, посвященное своей жене, подчеркивая одновременно и ее личную заслугу в самореализации их обоих, и ключевую роль женщины в семье, в общности людей, в мире в целом. В его понимании, признании и уважении великой роли женщины заложен один из самых важных принципов успешной семейной архитектуры, предвестник духовного единства и осознанного духовного развития. В конце концов, вопрос успешности семьи – это вопрос отношений между ее членами, а еще – неодолимая вера в своего спутника. Рерих черпал духовные силы в своей жене, когда приходили минуты отчаяния и бессилия, и ничуть не стеснялся этого. «Без Тебя не сдвинуть этих громад, висящих надо мною. Помнишь ли, в сказке... требовалась молитва чистой девушки, чтобы спасти кого-то откуда-то. Чистая женщина невидимой рукой ведет мужчину далеко», – писал он жене. И она всегда находила силы для ободрения и поддержки. Мужчина сам поднял значение женщины – в союзе двоих, в обществе, в миропонимании. Это открыло ей путь для благородной и величественной миссии, заключающейся в утверждении новой роли женщины. «Все переживаемые и грядущие бедствия и космические катаклизмы в значительной степени являются следствием порабощения и унижения женщины. Грядущая эпоха будет эпохой не только Великого Сотрудничества, но и эпохой женщины», – писала Елена Рерих, и это она оставила в наследство будущим поколениям. Вся ее жизнь оказалась «эпохой женщины», созидательной, почитаемой и любимой, поэтому она хорошо осознала свою миссию.

Никто так хорошо, как эта спокойная женщина с пышными волосами и глубокими, как звезды, глазами, не знал, чего на самом деле жаждет такой многогранный исследователь, каким был Николай Рерих. Она сдерживала его, не давала рассредоточиться, словно связывая в единый пучок все усилия, осторожно, но настойчиво, не позволяя распылять силы по сторонам. Она осознавала, что, как всякий творец, ее муж желает распространять свое влияние как можно шире, как всякий мужчина-завоеватель, он стремится обладать всем миром. Но именно женская мудрость Елены помогла выработать такую форму общения с миром, которая позволяла минимально ощущать давление цивилизации и максимально воздействовать своей теорией на это пространство, превратив жизнь в миссию. Ведь эта крепкая семья не довольствовалась тихой жизнью в удаленном гнезде на краю мира: очень многие действия Рерихов выдают их желание сохранить информацию о себе, торпедировать все мировое общественное сознание кумулятивной струей своих оригинальных, пусть часто и утопических идей. Музей Рериха в США, открытый при жизни живописца, многочисленные общества Рериха и Институт Урусвати в Индии, уже упоминавшийся Пакт мира, пусть и банальный, но величественный в своей недостижимой простоте, гималайские экспедиции с их сомнительным успехом и сонм полотен с их пусть противоречивой художественностью, но неоспоримой философией, наконец, мифическое и таинственное «общение» с Махатмами, незримыми учителями из тонкого, непостижимого мира – все это ставит семью Рерихов в один ряд с уже упоминавшейся Еленой Блаватской, отдаляет семью от мирского и понятного всем, дарит исключительность и неповторимость. Каждое их действие, будь оно вырвано из контекста, казалось бы актом неудавшейся рекламы. Сложенные же в единую цепь, их поступки, подтвержденные невероятной работоспо-

собностью Николая Рериха – живописца и литератора, ученого и философа – создают совершенно новую, доселе невиданную формулу взаимоотношений с миром. И кажется, победа Рерихов (а она бесспорна в силу притяжения его идей и чувственно-эмоционального восприятия энергетики его полотен) стала возможной благодаря виртуозно созданной ипостаси семьи как философской команды нового толка, как обособленной и абстрагированной от всего остального мира, мало понятной большинству обывателей цитадели мудрости. Рерихи представили миру иное воплощение союза мужчины и женщины, и во многом благодаря этому их остальные идеи оказались воспринятыми с трепетным восторгом, их повторяют шепотом, как молитвы. Потому что до них миру еще не являлась такая семья, которая бы посвятила жизнь двойной мудрости: фокусированию интереса к новым истинам и открытию нового формата брачного союза, в котором муж и жена являются и достойными партнерами, и носителями сакральной тайны – искусства преодоления земного притяжения. И право, неизвестно, какая их миссия – поддержание пламени искусства или возвеличивание любви и семьи – является более весомой. Если исполинскими творческими порывами мир удивляли многие, то созданием идеальной семьи с гармонией микромира внутри – только единицы.

Что ж, у этой семьи в руках оказались все нити творческого и человеческого счастья. Старательно лепя в коллективном воображении фигуры Счастья, Света и Красоты, Рерихи сумели одарить себя главными плодами любви – прекрасными детьми. Сами представлявшие яркую и даровитую русскую интеллигенцию – ту, у которой манеры и ощущения как бы подтверждены генетически, – Рерихи и детей смогли увлечь этой незримой и обволакивающей силой высших знаний, умиротворения и стремления к гармонии во всем. Действительно, Николай и Елена могли бы гордиться потомством, возвращенным в походах и вечных скитаниях по миру, воспитанным в духе почитания высших духовных ценностей и, тем не менее, не лишенным самостоятельности. Последнее оказалось предвестником сыновней ответственности за каждый предпринятый шаг и сознательных ставок на деятельное творчество. Оба сына Рерихов получили блестящее образование, продемонстрировав стремление к обширным знаниям. Конечно, они с молоком матери впитали страсть к самовыражению, а их уверенность в себе во многом была обусловлена атмосферой взросления в такой исключительной семье, когда дети до окончания формирования основных черт характера не сталкиваются с разрушающими духовный фундамент раздражителями. Защитная оболочка, созданная Еленой Рерих для семьи, полностью распространялась и на детей. Она часто находилась с мальчиками за пределами суетного мира, а бесконечные поездки за границу сделали из детей настоящих граждан мира. Вот лишь один из наглядных примеров, приводимых исследовательницей творчества Рерихов Еленой Поляковой: «В 1906 году Николай Константинович ездит по Италии, Елена Ивановна с мальчиками в Швейцарии; старшему сыну четыре года, младшему – около трех. Юрик бойко говорит по-французски, жаль, что нет француженки... Светка [Святослав] тоже выказывает большую способность к французскому языку...» В четырехлетнем возрасте младший сын уже пишет отцу: «Я не писал тебе потому, что я учусь полчаса по-немецки и час по-русски». Образование для русской аристократии было органичным продолжением воспитания, потому дети воспринимали учебу как неотъемлемую часть жизни, как умывание или обед. А проникновенная Елена с жаром приняла роль доброй и блистательной феи, сглаживающей трудности детей и деликатно стимулирующей мужа к новым исканиям.

Дети стали еще одним убедительным доказательством силы любви и правильности избранного пути. И дело тут вовсе не в безупречном образовании, которое родители обеспечили сыновьям. Получив исключительные знания языков все в той же гимназии Карла Мая, Юрий закончил индо-иранское отделение Школы восточных языков Лондонского университета (степень магистра индийской филологии он получил в знаменитой французской Сорбонне), а Святослав после архитектурных курсов Гарварда и Колумбийского университета продолжил путь отца в живописи. Их, как сосуды, доверху насытили идеями величиной с вось-

митысячники Крыши мира, доверив целые направления и возможность продолжать дело родителей. Как часто бывает в таких случаях, они выросли только до старательных копий родителей, но гордо пронесли знамя семьи, не опустив головы и не уменьшив авторитет пленительного звучания этого повсеместно известного и в наши дни имени.

К окончанию же своего жизненного путешествия эти испытывавшие счастье мужчина и женщина все чаще бросали взоры не на людей, копошащихся на бескрайних просторах планеты, а ввысь, на застывшие заснеженные вершины, неприступные и нетленные в своей необузданной красоте – непокоренные символы могущества всеобъемлющей тишины, силы, влияния и совершенства Природы.

Связан ли уход из жизни Николая Рериха с тем, что им отказали во въездной визе в СССР, как полагают некоторые интерпретаторы его биографии? Это вопрос важный, но вторичный с точки зрения оценки наследия пионера извилистых троп Истины. В преклонном возрасте Николай Рерих мог заблуждаться относительно изменений на далекой Родине, но скорее всего желание возвратиться, кроме ностальгии по родному краю, связано было еще и с твердо вызревшим намерением оставить свои творения на родной земле, где шансы стать понятным и расшифрованным возрастали в десятки раз. Не вызывает сомнения, что до последней минуты художник думал о преломлении своего творчества сквозь призму будущих лет, его заботило распространение ростков своей философии, передача духовных ценностей тому обществу, из которого он вышел, с которым имел единые корни и говорил на одном языке. Он уже не был чужаком в Гималаях, но большая и разобщенная Индия с открывшейся кровавой индо-пакистанской раной была для него все-таки чуждой землей, оставить которой самое сокровенное престарелый философ не желал. Свой возвышенный, воспламененный идеей дух он хотел перенести на Родину, ибо осознавал, что там, в среде близкой славянской духовности, он будет по достоинству оценен как мыслитель и носитель обновленной веры. Сталина с его НКВД и ГУЛАГом он относил ко временным явлениям. Еще более вероятно, ослепленный собственной целью и сосредоточенный на маяках вечности, он просто не воспринимал чудовищного режима, заигрывал с ним в надежде на содействие развитию рериховского пространства после своего ухода в иной мир. И в конце концов Рерих не ошибся. Это следует хотя бы из того, что и само учение, и напутствия этой неординарной семьи овеяны ветрами славы на славянской земле, признаваемы здесь более, чем где-либо еще на планете. Души Рерихов могли бы с удовлетворенным снисхождением принять отвержение и даже смерть от темных сил, властвующих на Родине, ведь они успели высказаться, ни разу не изменив своему жизненному кредо. Их жизненная стратегия оказалась настолько четко и однозначно выраженной, что могла бы показаться прямой линией, начертанной под линейку. И если это так, то даже имей место сотрудничество с СССР, его можно было бы оценить как службу близоручного режима Рерихам, а не наоборот.

Некоторые строгие исследователи критиковали Рерихов за утверждение банальных истин, за их патетическое, «нелитературное» изложение, за посредственную художественность полотен живописца, за его не слишком живую, стоящую в тени коммунистического режима философию фантастических истин. Но даже если принять во внимание эти выпады, если не называть предвзятостью нападки на мировоззренческие концепции мыслителя, если считать часть жизни Рерихов рискованной игрой с советским режимом, то и в этом случае мы имеем дело с выдающейся семейной командой, виртуозной обработкой окружающего мира и особенно безликих представителей силы-власти. Жизнь Рерихов и при такой трактовке кажется безупречно сыгранной мелодией, спокойной и гармоничной песнью людей, сконцентрированных на своей миссии нового преподнесения Красоты, пары, иронично взирающей на хаотичное перемещение молекул-людей, не осознающих бредовой бессмысленности своего пребывания на Земле. Восторженные и отрешенные, до безумия влюбленные в красоту искусства, ускользнувшие от преходящих страстей продажного мира, хаоса войн и побоищ, они, несмотря на

то, что их обостренная восприимчивость порой кажется непростительной инфантильностью, сумели создать новый символ – божественный, бесподобный и вечный знак величия семьи. В любом случае мы имеем дело с уникальным и, наверное, первым феноменом, когда чудесное полотно ткut не две, а четыре руки. Может быть, именно это и есть новая философия жизни и прославление Вечной Любви?!

Михаил и Раиса Горбачевы

Но все-таки всегда сохранялось, что она мне предана, а я – ей. И лучшие всего нам всегда было вдвоем. Даже без детей.

Я потерял самое главное – смысл жизни.

Михаил Горбачев. Из интервью после смерти жены

Решение ты должен принять сам, а я буду с тобой, что бы ни случилось.

Раиса Горбачева после заявления ГКЧП и блокирования президента СССР с семьей на даче в Форосе

Они приковали внимание миллионов не только потому, что раскрылись первыми. В отличие от многих закоснелых личностей монументальной эпохи Советов, чета Горбачевых поражает удивительно богатым внутрисемейным миром, зачаровывающей целостностью, трепетной, абсолютно непоказной любовью в течение отведенных судьбой без нескольких дней сорока шести лет.

Раиса Горбачева оказалась не просто достойной первой леди, но и едва ли не основной участницей побед, которые при пристальном рассмотрении вполне можно было бы назвать совместными. Она выигрышно оттеняла мужа, вместе с тем демонстрировала достаточно броскую индивидуальность и внутреннюю женскую силу. Анализируя и оценивая действия этой женщины, невольно можно прийти к объяснению невероятного, почти мистического движения вверх по карьерной лестнице Михаила Горбачева – за своей спиной он всегда ощущал вездесущую и негибкую твердыню, всемогущую волшебницу, незримого и верного друга, ведшего его по жизни, возможно, даже в ущерб своей собственной.

«Половинки»: найти и сложить

Михаил Горбачев, крестьянский сын из бедной ставропольской деревни, никогда не скрывал, что родовые традиции довлели над ним точно так же, как багряные, обильно пропитанные кровью, символы над всей странной, громадной общностью подавленных людей, с саркастической гордостью называемой советским народом. С ранних лет он двигался в затемненном идеологическом тоннеле вместе с самим обществом, стиснутым тисками господствующей извращенной морали, законам которой все неукоснительно следовали под страхом смерти. Мальчик, для которого все пророчество мира ассоциировалось с единственной в доме газетой «Правда», а все наслаждения концентрировались на порции неожиданно завезенного вместе с кино мороженого, сформировал представление о мире как о весьма жесткой конструкции со своеобразной ролью человека в ней. Понятие «выжить» ассоциировалось с понятием «покориться», а крестьянские корни и суровое время взросления – с непоколебимым и жестоким грузинским идолом, с укрепленным в сознании жутким крестом всеобъемлющей войны. Со страхом язычника, преклоняя колени перед туманным обелиском коммунистических грез, он настойчиво искал выход из глухого пространства, похожего на гигантское бомбоубежище, в котором с удивлением обнаружил себя по мере взросления. Ослепляющие картины эпохи создания колхозов, абсурдный калейдоскоп ссылок неугодных, военные похороны, дикость оккупации, очумелость гонки за результатами комбайнеров и пьяные песни «ударников» – в этих декорациях присутствовала затаенная агония, протест против жизни, фатальная некрофилия, заглушить которые могли лишь две вещи: спиртное да слепая вера в построение коммунизма. Подросток, который не понаслышке знал, как человек сходит с ума от раздирающего

на части голода, а мальчиком спал зимой вместе с теленком, чтобы не замерзнуть, отлично осознавал перспективы безальтернативного труда в колхозе («бежать – не убежишь, не давали крестьянам паспорта»). Ему было за что бороться: шанс вырваться из первобытной дикости своего забитого села не просто маячил, а светил слепящим, как солнце, светом. Получить входной билет в другую жизнь можно было только благодаря вузовскому диплому, какой-нибудь знаковой «интеллигентной» профессии. Вот откуда проистекает, казалось бы, причудливый симбиоз: отменное знание крестьянского дела («на слух мог сразу определить неладное в работе комбайна») и слабо увязывающиеся с комбайном Белинский и постановка «Маскарада» Лермонтова в примитивном драмкружке. Стараясь выделиться любым способом, юный Михаил не брезговал обывательскими козырями («на ходу мог взобраться на комбайн с любой стороны, даже там, где скрежетали режущие аппараты и вращалось мотовидо»). Но мотивацию всех этих форм самовыражения в среде следует искать не столько в безнадежной инфантильности, сколько в яростном упорстве. Горбачев с детства был настроен на то, чтобы вырваться, любым способом выскользнуть из заколдованного круга, созданного в советской деревне времен колхозного «расцвета». Его лидерство являлось не более чем защитным иммунитетом от погребения заживо в скудном паралистическом пространстве животной борьбы за существование. Отчаяние и скорбь за близких сквозят в его воспоминаниях детства, где он, будучи уже экс-президентом СССР, не удержался от цитирования книги своей жены, упомянув, что «там [в родной деревне] идет разговор о двадцати рублях: где их взять, при том, что отец работает круглый год». Сам того не подозревая, Горбачев настроил свой мозг на стойкое выживание в условиях нового ледникового периода. И в этой установке самым подкупающим было то, что наряду с лидерством и самовыдвижением важная роль отводилась семье – опорному пункту в борьбе за новую реальность.

Мать, мужественная до отчаяния и смелая до безрассудства, дала сыну в руки две жизненные нити – животную цепкость и святую веру в себя. Она показала Михаилу пример выживания, вселила в него мысль, что коль он пережил в детстве столь чудовищный хаос, значит, все это не зря, впереди у него великая миссия. Она же убедила сына в том, что учеба – это путь к иной жизни. Отец привил способность к тяжелому труду и оптимистичное отношение к самой жизни; через отца пришло понимание ответственности, уважение к традициям. Несмотря на одиозное время, а может быть, как раз из-за витающей в воздухе опасности объединение мужчины и женщины в семейном союзе являлось чем-то сугубо правильным в жизненном укладе серьезного человека, само собой разумеющимся, неотъемлемой составляющей приторного, с привкусом мертвечины, проживания жизни. Семейная атмосфера душевного покоя наполняла смыслом тупое истязание работой быстро угасающего тела, открывала единственную для истощенного крестьянина возможность наслаждения: видом потомства, призванного убедить, что короткая вспышка жизни и ожесточенная схватка за незатейливое существование предприняты для сохранения на земле своего имени пусть даже на вопиюще короткий период времени. Семья оказывалась единственной зацепкой, и потому отношениями, пусть порой и несколько грубоватыми, дорожили как главной реликвией, как иконой. В книге о себе Горбачев демонстрирует глубокую осведомленность о жизни и становлении дедов – в этой памяти заключен генетический код его миропонимания; и тут же базовой, цементирующей становится мысль о первостепенном значении семейной ячейки в обществе того времени.

Даже не принимая на веру все исповеди самого Горбачева, стоит признать: он рос напористым и выносливым парнем, не боящимся тяжелой изнурительной работы. Хотя не без потерь: «первые годы частенько носом шла кровь – реакция организма подростка». Кульминационная точка взросления молодого Горбачева – последняя перед поступлением в институт жатва. Снаружи все выглядело красиво: «Мы намолотили с отцом 8 тысяч 888 центнеров. Отец получил орден Ленина, я – орден Трудового Красного Знамени». Была создана стартовая позиция,

возможность без потери культового для деревенского сообщества чувства долга двинуться к новому рубежу, совершенно не похожему на доселе преодоленные.

Несмотря на подкупающие описания самим Горбачевым выбора пути после окончания школы, скорее всего, они сделаны для демонстрации отношения к родным местам. В действительности же и школьная серебряная медаль, и правительственная награда, и трудовой стаж, и настрой Горбачева-старшего на упорную учебу после окончания войны имели только одну направленность – красиво оставить мир погребенных заживо, без видимого бегства присоединить свой вагон к иному локомотиву. Это имеет самое прямое отношение к формированию семьи, потому что и выбор места учебы, и установка отставить до окончания учебы всякие амурные дела – все это звенья длинной цепи задач на подступах к весьма высокой, заранее сформированной цели. Действительно, в то время как одноклассники подавали заявления в институты Ставрополя, Краснодара и Ростова, Михаил Горбачев без лишней скромности нацелился на «самый главный университет» страны.

Подобным образом шла к созданию семьи и будущая первая леди СССР Раиса Титаренко. Возможно, формировать установки ей было несколько легче, потому что образ женщины в советском обществе определялся двумя критериями: хорошая работница (активная участница стройки эпохи – коммунизма) и хорошая жена-мать. Социальная позиция человека в обществе считалась незыблемым приоритетом и самым важным достижением, но советский перекоп, в принципе, легко объясним: истинные строители коммунизма не могут быть нравственно уродливы. И даже если мужчина и женщина вместе лопатами перемешивают бетон с почти одинаковой физической нагрузкой, у женщины остается еще одна обязательная функция – показать себя умелой женой и заботливой матерью. Но применительно к Рае Титаренко все складывалось не так уж плохо: ее корни терялись где-то на подходах к высоким эшелонам власти; ей подсказали или она сама сумела разобраться в том, что для женщины в современном ей обществе целесообразнее будет заниматься чем-то абстрактно значимым, таким, что узнаваемо издали по яркой вывеске, но понимается далеко не каждым. Социальная значимость и приобщение к сложной сфере деятельности, где существует известный набор граней и оттенков при представлении своего «вклада в коммунистическое строительство», – вот основа выбора, на поверку оказавшегося идеальным для захудалого времени и гиблого места обитания. Но выбор сферы деятельности позволил совершить еще один важный шаг – оставаться всю жизнь женщиной, несмотря на то, что советское общество являлось уникальным инкубатором по производству бесполой рабочей силы.

Мировоззрение Раисы формировалось в не менее сложных, чем у Михаила, внешних условиях. Ее отец, черниговский путеукладчик, встретил свою любовь в алтайском поселке. Ему тогда было двадцать два, а его юной возлюбленной всего шестнадцать: сирота, привыкшая к тяжелому физическому труду землепашца и ткачихи, она сумела освоить лишь начальное образование, что потом жило в ней навязчивым комплексом несоответствия времени и положению мужа. Тайное стремление к приобретению шарма «образованности», естественно без понимания сути применения знаний, она постаралась передать детям. Как часто бывает у необразованных людей, прошедших с детства суровую школу жизни, женщина как бы противопоставляла интеллектуальному лоску небывалую, даже болезненную гордость, передающуюся детям, особенно старшей Раисе, в виде неуклонного стремления к самодостаточности. Потому, наверное, Рая имела с детства завышенные амбиции в получении знаний, что проявилось в окончании школы с золотой медалью и выборе в качестве ориентира философского факультета главного в стране высшего учебного заведения – МГУ (медаль открывала двери в любой университет).

У девочки с детства формировался мужской характер. С того времени, как ее отца вернули с фронта и поручили ему строительство железных дорог, преимущественно оборонного назначения и в кратчайшие сроки, она вкусила вместе с родителями все прелести незамысло-

вагой жизни на колесах. Самый главный для каждой девочки период – с девяти до четырнадцати лет – протекал фактически на военном положении, с бесконечными переездами, жизнью в вагонах-теплушках и бараках, всегда временно.

Смена бесчисленного числа школ и коллективов научили Раису быстро приспосабливаться, мгновенно оценивать обстановку и находить основные точки приложения усилий – чтобы максимально развернуто продемонстрировать свои лучшие качества и достижения в тех или иных школьных предметах. Такое положение вещей требовало взрывного напряжения сил, умения постоянно производить впечатление в меняющихся условиях, проявления не только качеств непревзойденного спринтера на жизненном стадионе, но и редкого таланта непринужденно сходить с людьми, демонстрировать высокую степень общительности и ориентации на экспрессивное, колоритное поведение. Один из одноклассников Раисы вспоминал, что «она была самой красивой в школе и чересчур активной девочкой». Иначе и быть не могло: только так она могла рассчитывать на достижение успеха в кратчайшие сроки, в точности как ее отец при строительстве новых железнодорожных веток. К преодолению внешних сложностей добавлялись внутренние нагрузки – помощь матери, младшие брат и сестра. Из этих неумных лет выросли упорство и недюжинная душевная сила, развилась способность держать любой удар судьбы. Не зря потом она больше всего любила метели, гуляла в буран, когда природа рвется из привычных стесняющих рамок в безумном самоискушении проявить необычайную, совершенную буйную силу, неподвластную чьему-либо управлению. Раиса выросла с ощущением своей внутренней гармонии и привлекательности, переросших со временем в неподдельное женское очарование. Вместе с тем родились и нетерпимость к конкурентам, желание по-мужски решать проблемы, оттесняя тех, кто мог бы ее затмить. Ей хотелось блистать одной, причем так, чтобы мужской склад ума, как дополнительный мотор, работал в помощь женской харизме. Позже Горбачев утверждал, что Раиса чувствовала духовную близость с Маргарет Тэтчер, и этим двум женщинам было комфортно общаться. Если это так, то они излучали почти одинаковую силу, но находились на разных полюсах бытия.

Родительская модель отношений оставалась для Раисы непререкаемой. Отец с матерью жили дружно, безоговорочно поддерживая друг друга. В семье Максима Титаренко присутствовали те же неоспоримые долг и ответственность, что и в семье Сергея Горбачева, – сходство консервативных позиций, замешанных на суровых социалистических принципах, породило схожие взгляды у детей. В то же время ей претила материнская роль – какая-то скорбная, слишком затененная, неказистая. Ко времени студенчества она уже привыкла быть в центре внимания, не только осознавать свою женскую притягательность, но и убедительно пользоваться острым изобретательным умом. Нет, воспитанная по мужскому типу, на роль матери она не может претендовать, не имеет права. Кроме того, ее ощущения раннего взросления были ощущениями скорее мальчика, чем девочки; ей постоянно приходилось решать мужские вопросы, и в том числе тогда, когда ее осознание внутренней силы столкнулось с безнадежной застенчивостью необразованной матери. Став взрослой, Раиса чувствовала себя способной на очень многое, на гораздо большее, чем ее сверстницы, росшие в тепличных условиях больших городов, у которых женственность всегда была тождественна мягкости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.